

О научных транзакциях, сообществах и академической свободе (Размышления над книгой А.Н. Олейника)

*С.П. ЧЕРНОЗУБ**

***ЧЕРНОЗУБ Светлана Петровна** – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра “Информатика и управление” РАН. Адрес: 117312 Москва, 60-летия Октября просп., д. 9. E-mail: svetcher@yandex.ru

В статье рассматривается предложенная А. Олейником концепция применения методологического инструментария институциональной экономики к анализу науки как подсистемы социума. Исследуется проблема трактовки множества научных коммуникаций с позиций транзакционного подхода. Непосредственными объектами анализа выступают научные коммуникации, институциональная среда науки, научные сообщества и научные организации. Обсуждаются полученные Олейником результаты изучения институционального трансфера на примере российских университетов.

Ключевые слова: научные коммуникации, институциональная среда науки, научные сообщества, трансфер научных институтов.

DOI: 10.31857/S086904990006565-3

Цитирование: Чернозуб С.П. (2019) О научных транзакциях, сообществах и академической свободе (Размышления над книгой А.Н. Олейника) // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 97–107. DOI: 10.31857/S086904990006565-3

On Scientific Transactions, Communities and Academic Freedom (Reflections on the Book by A.N. Oleinik)

*Svetlana P. CHERNOZUB**

*** Svetlana P. Chernozub** – Cand. Sc. (Philosophy), leading researcher, Federal Research Center “Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences. Address: 117312, 9, 60-letija Ocyabrya prosp., Moscow, Russian Federation. E-mail: svetcher@yandex.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18–29–03297 “Разработка принципов и алгоритмов выделения статистически устойчивых закономерностей формирования виртуальных коллабораций в текстовых структурах методами кластеризации и лексико-семантического анализа больших массивов слабоструктурированных данных в коллекциях публикаций”).

Abstract. The article considers the concept proposed by A. Oleynik for applying the methodological tools of institutional economics to the analysis of science as a subsystem of society. The problem of interpreting the world of scientific communications from the perspective of a transactional approach is investigated. The direct objects of analysis are scientific communications, the institutional environment of science, scientific communities and scientific organizations. The results of the study of institutional transfer obtained by Oleynik on the example of Russian universities are discussed.

Keywords: scientific communications, institutional environment of science, scientific communities, transfer of scientific institutions.

DOI: 10.31857/S086904990006565-3

Citation: Chernozub S. (2019) On Scientific Transactions, Communities and Academic Freedom (Reflections on the Book by A.N. Oleinik). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 97–107. DOI: 10.31857/S086904990006565-3 (In Russ.)

Книга А. Олейника [Олейник 2019] написана по материалам исследований, которыми автор активно занимался с конца 2000-х до середины 2010-х гг. Главная ее идея – использование языка институциональной экономической теории в целом и транзакционного анализа в частности для описания “социального измерения” науки. Кроме того, в книге представлены некоторые результаты применения этой идеи. Многие главы и разделы начинали свою жизнь в виде самостоятельных произведений, и надо сказать, не все утратили автономию, несмотря на усилия автора создать из них стройную монографическую конструкцию. При всем уважении к этим усилиям, иногда мне было жаль, что автор не пошел *путем вся земля* и не сделал книгу как сборник статей¹, привязав таким образом каждое свое рассуждение к конкретному времени и соответствующему идейному контексту, что могло бы снять ряд возможных замечаний. Все-таки десять и даже пять лет, прошедших с момента первой публикации некоторых фрагментов книги, при современных темпах развития науки – очень большой срок. За это время некоторые из затронутых тем приобрели новые измерения, например подверглись переосмыслению многие паттерны научной коммуникации², а также методы идентификации, типологизации и оценки научных текстов³. Эти обстоятельства создают новую оптику, которая иногда подчеркивает то, что пострадало от времени. Но вдвойне отрадно, что пострадало не все.

Структура предметной области

Непосредственные объекты исследования в книге суть научные коммуникации, институциональная среда, научные сообщества и научные организации. Автор полагает, что множество научных коммуникаций можно рассматривать как транзакции:

¹ Я имею в виду, что большинство авторов вынуждены именно таким образом составлять свои книги, поскольку с середины 1990-х гг. монографии последовательно дискриминируются (не учитываются) в качестве официальных результатов научной работы.

² С 2014 г. принятая Европейской комиссией стратегия руководства наукой ориентирована “на совокупный эффект технологического развития и культурных изменений”, включая не только новые цифровые инструменты исследования, но и новые сетевые коллаборации, а также вовлечение медиа (<https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/open-science>).

³ Например, все шире распространяется (особенно в естественных науках) практика включения в состав авторов не только ученых, но также технического персонала лабораторий, в которых получены научные результаты. Развиваются и формы автоматического генерирования научных текстов. Так, уже стало привычным “соучастие” роботов в создании статей для Википедии путем автоматического внесения сведений о вновь открытых космических телах, географических объектах и проч., а совсем недавно издательство *Springer Nature* представило научную книгу, созданную искусственным интеллектом [Lithium-Ion... 2019].

“Интерпретация коммуникации как формы бытия в науке обуславливает необходимость поиска новой единицы анализа в эпистемологических исследованиях... Сама транзакция становится основной единицей анализа” (с. 34)⁴. Правда, вопросы о том, какого рода и все ли научные коммуникации (а также взаимодействия) можно интерпретировать как транзакции, при этом однозначно не решаются, так что названные категории иногда выступают как синонимы или определяются одна через другую. Например: “взаимодействия, то есть научные транзакции” (с. 133); “транзакции – основные формы взаимодействия⁵ между учеными” (с. 34); “научная коммуникация как особый пример транзакции” (с. 52) “результаты коммуникации в науке зависят от способа организации транзакций” (с. 35). В контексте некоторых тем, поднимаемых Олейником, например в главах, содержание которых составляет скорее материал по социологии науки, это не всегда затрудняет понимание авторской мысли, но, пожалуй, препятствует целостному восприятию идеи транзакционного подхода применительно ко всему материалу книги, и в подсознании читателя волей-неволей всплывает: а может быть, *не надо трех слов?*

Казалось бы, автор подстраховал себя по части подобных упреков. Уже во Введении он предупреждает читателя о неизбежных трудностях постижения научных текстов и даже посвящает два раздела главы 6 исследованию ограниченности читательских возможностей и доказательству незначительной роли такого фактора, как “удобочитабельность” текста, для его понимания. Но если говорить серьезно, вопрос о том, какого вида научные коммуникации следует рассматривать как транзакции, то есть взаимодействия, в которых «обмениваются не права, как в случае транзакций на рынке, а идеи, рассматриваемые в качестве “вкладов”... в развитие научного знания» (с. 4), становится все более насущным и нетривиальным. Да, традиционно идеи попадают в обращение в виде публикаций, но проблема в том, что вопрос об авторстве научных статей в настоящее время начинается решаться по-новому. Я имею в виду современный тренд на увеличение в научных коллективах числа инженеров, библиотекарей, техников и на признание их вклада в создание научного продукта. Например, в 2015 г. в журнале *Physical Review Letters* вышла статья с 5154 соавторами [Кузнецов 2015]. Попадает ли в данном случае взаимодействие техников или диспетчеров в категорию научных транзакций?

Впрочем, поскольку замысел автора, как это заявлено в Предисловии, состоит лишь в “ознакомлении” с “основными принципами транзакционного анализа научной среды” (с. 7), он имеет право воспользоваться минимумом необходимых средств – но при одном условии. Должны быть определены границы применимости предлагаемой модели. На первый взгляд, это условие соблюдено, поскольку автор уже в названии книги ориентирует внимание читателя на область общественных наук. В действительности же к этой области относятся *лишь примеры* применения транзакционного подхода. Как следует из материалов главы 1, автор полагает подход адекватным и в отношении естественных (“парадигмальных”) наук.

Некоторые границы, тем не менее, можно определить контекстуально, исходя из характеристик разработанной автором классификации научных транзакций. Всего Олейник рассматривает шесть их типов: ученый-коллега, ученый-читатель – в горизонтальной плоскости, ученый-администратор, ученый-рецензент, ученый-студент – в вертикальной плоскости, а также ученый-политик как пример вертикальных отношений между представителями науки и других подсистем социальной структуры⁶. Все перечисленные типы транзакций могут осуществляться в двух регистрах: личного

⁴ Здесь и далее ссылки на рассматриваемую книгу приводятся в круглых скобках.

⁵ То есть, надо полагать, не все взаимодействия – транзакции.

⁶ Идея кооперации таких ведущих институциональных сфер, как наука, политика, бизнес и гражданское общество (*The Quadruple Helix Model*) составляет, например, основу современной стратегии инновационного развития, принятой на уровне ЕС.

(непосредственного) и обезличенного взаимодействия. Соответственно регистрам распределяются формы научных сообществ в виде научных школ, кругов и сетей на уровне личного общения, а на уровне безличного главной формой коммуникации выступают взаимоотношения между ученым и читателем (*Республика Писем*), а иногда – между ученым и рецензентом.

Так же минималистично описывается институциональная среда науки, которая содержит и общие для того или иного социума правила взаимодействия, и специальные правила, определяющие взаимодействия между учеными. Понятно, что в каждой стране существует своя институциональная среда, так или иначе формирующая особенности институциональной среды местной науки. Олейник демонстрирует свой исследовательский метод, сравнивая по доминирующему типу транзакций всего две национальные институциональные среды науки – российскую и североамериканскую (США, Канада). В России доминируют транзакции в вертикальной плоскости (иерархические отношения), а в Канаде и США, наоборот, горизонтальные транзакции между участниками с равным статусом.

Кроме того, объектами исследования выступают научные организации: “Что касается сферы науки, в ней также можно выделить несколько типов научной организации: университет, автономная исследовательская лаборатория или центр и т.д. Они предлагают различные решения того, как структурировать коммуникацию между учеными в первом регистре личностных локализованных транзакций и как достичь главных целей научной деятельности” (с. 140).

Как нетрудно заметить по приведенному перечню структурных элементов социального измерения науки, в книге действительно представлена его условная минималистическая модель. Она включает минимальный набор участников научных транзакций (без их дисциплинарной идентификации). Наука показана во взаимодействии лишь с одной из институциональных сфер социума (политикой). Наличествуют всего два регистра (хотя в главе 2 и рассматривается вопрос о признании третьего регистра – общения в ходе конференций). Наконец, представлены к рассмотрению лишь два национальных варианта институциональной среды науки. Тем не менее с помощью этой модели автору удается получить ряд нетривиальных результатов.

Примеры транзакционного анализа науки

Около половины книги составляет описание тех социальных проблем науки, в решении которых Олейник считает перспективным применение транзакционного анализа, и отчасти – описание личных впечатлений от многолетней работы в России и Северной Америке. В наиболее общем плане, по его мнению, ценность транзакционного подхода состоит в том, что он как нельзя лучше позволяет двигаться срединным путем, то есть избегая крайностей, свойственных некоторым радикальным формам социологии науки.

Например, транзакционный подход одинаково невосприимчив к “империалистическим планам” распространить нормы научной коммуникации, присущие естественным наукам, на общественные и гуманитарные, и наоборот, нормы общественных и гуманитарных наук – на естественные. При этом последние автор определяет (ссылаясь на Т. Куна) как *парадигмальные*, то есть такие, где есть “беспорные концепции”, тогда как в науках общественных и гуманитарных “концепции всегда спорны” (с. 46). Первые хороши тем, что коммуникации в них осуществляются по строго установленным правилам и потому предполагают более низкие транзакционные издержки. Достоинство вторых, где действует “семиотическая модель коммуникации”, допускающая активное расхождение интерпретаций, состоит в постоянном производстве инновативных решений.

Между тем, думаю, вывод о разной величине транзакционных издержек может быть обоснован иначе. Естественные науки действительно имеют некоторое преимущество перед общественными, но источник его в том, что первые широко используют искусственные формализованные языки (которые и создаются для упрощения профессиональных коммуникаций как, например, язык математики), а вторые чаще пользуются естественными языками. Само же по себе противопоставление типов коммуникации, преобладающих на этапе “шлифовки” обобщающей идеи и на этапе ее первоначально-го обсуждения, вполне можно представить и в терминах концепции Куна. Достаточно вспомнить, что его знаменитая книга называется “Структура научных революций”, то есть ее предмет – как раз и есть исследование периодов активного расхождения интерпретаций в истории естественных наук. И даже в период господства той или иной парадигмы предполагается не наличие “бесспорных концепций”, а неактуальность дискуссий по поводу концепций, которые пользуются поддержкой наиболее влиятельных представителей научного сообщества. Точно так же никакие методы работы с текстами как знаками и знаковыми системами не запрещено применять естествоиспытателям, математикам и логикам. Этим, собственно, занимались предшественники и основатели семиотики (Г. Фреге, Ч. Пирс), и занимаются современные разработчики искусственных языков, например языков программирования.

Невозможно, разумеется, исключить существование и других способов сравнения транзакционных издержек в естественных и общественных науках. Автор заинтересован в таких примерах действенности своего подхода, поскольку это имеет непосредственное отношение к идее “парадигмальной общественной науки”, обсуждаемой в главе 1. Однако главным объектом приложения идеи научных транзакций в книге все-таки выступает область общественных наук в целом (включая “непарадигмальные”). Например, отдельный подраздел главы 2 посвящен результатам применения теоремы Коуза к экономическим наукам и юриспруденции.

Другим важнейшим примером устойчивости своей концепции к влиянию радикальных течений в социологии науки Олейник считает то, что она “позволяет исключить риски появления культурного релятивизма (все зависит от культуры) и функционального универсализма (осуществление того или иного вида деятельности повсюду диктуется спецификой поставленных целей)” (с. 134). Обоснованию этого заявления автор посвящает большую часть главы 4, хотя структура предъявленных доказательств и не отличается четкостью.

Пожалуй, главным аргументом против “культурного релятивизма” может служить возможность рассматривать и соотносить комплексы формальных правил научной коммуникации, специфических для каждой институциональной среды. Именно потому, что эти правила строго определены, сравнивать их друг с другом довольно просто. Так же просто зафиксировать и формальное устройство научных организаций. По этой причине трансфер институтов тоже воспринимается как простая и логичная идея. Никакие культурные ограничения при этом попросту не видны, что фактически выводит на первый план принцип “функционального универсализма”.

Однако при рассмотрении конкретных попыток трансфера институтов, автор вводит в предметное поле другие элементы институциональной среды, а именно – неформальные кодексы поведения, “неподвластные контролю со стороны реформаторов”. Здесь картина радикально усложняется, и оказывается, что “шанс на успех может быть гарантирован только в случае совместности между формальными правилами, списанными с зарубежных шаблонов, и распространенными практиками”, или при наличии у пересаживаемых институтов “внутреннего сродства”, общей “почвы”, “культурной близости” (с. 152–153) с элементами институциональной среды в принимающей стране. Похоже, что на уровне неформальных правил механизмы принуждения к их исполнению вполне могут обеспечить любые формы “культурного релятивизма”.

Таким образом, “функциональный универсализм” и “культурный релятивизм” в концепции Олейника фактически не устраняются, но разводятся по разным нишам (формальных и неформальных правил). Впрочем, и сама по себе осведомленность о необходимости согласовывать обе разновидности правил может способствовать удачному проведению трансфера научных институтов и организационных структур.

В книге достаточно много внимания уделено описанию двух примеров институциональной среды науки – в России и в Северной Америке (США и Канаде). Какие-то их особенности представлены в Предисловии, а также в главе 3 – через описание типичных случаев конфликта интересов, возникающих в ходе профессионального взаимодействия между учеными: при оценке статей, поданных в журнал, заявок на грант или на получение теньюра. В главе 4 автор снова возвращается к описанию этих объектов.

Американскую научную среду характеризуют следующие качества:

- высокий уровень эффективности (у США больше всего нобелевских лауреатов);
- относительно больший уровень взаимного доверия между учеными и меньший вес власти (ее можно критиковать) в сравнении с российскими реалиями;
- достаточно развитый академический рынок, что предполагает эффективность не только личных, но и безличных взаимодействий, например поиск работы путем рассылки резюме;
- академическая свобода “имеет больше институциональных подпорок” (с. 144), что реализуется в свободном выборе методов преподавания и проведения исследований, в наличии регламентов (хотя и несовершенных) для процедур разрешения конфликта интересов.

Российская институциональная научная среда отличается тем, что она:

- всегда, “независимо от рассматриваемого периода времени” (с. 145), была менее эффективна, чем американская (оценка – по количеству нобелевских лауреатов, считая все годы от учреждения премии);
- имеет повышенную проницаемость границ между наукой и политикой, поэтому власть заменяет, а не дополняет доверие (стандарты ведения занятий, программ и приращение степеней принято утверждать на федеральном уровне); власть структурирует транзакции внутри институтов (иерархическая модель); инициатива снизу затруднена, наличествует асимметрия в распределении прав и обязанностей;
- склонна к персонификации научных отношений (плотные сети), а взаимодействия в регистре безличных отношений затруднены, что препятствует развитию академического рынка;
- не имеет регламентов для управления конфликтами интересов, что также идет в ущерб академической свободе.

Обращение к институциональной среде науки в России, как признается сам Олейник, обусловлено его субъективной установкой на ее противопоставление североамериканской, “желанием представить противоположную картину ситуации” (с. 145). Инструментарий исследования изначально подобран с учетом тезиса о “властечентричности” российской институциональной среды в целом. К тому же в книге изначально предполагается рассмотрение науки во взаимодействии лишь с одной из подсистем социума – политикой. И в рамках выстроенной подобным образом модели институциональной среды науки действительно обнаруживается разница в уровне академической свободы при сравнении России и Северной Америки.

Между тем читателю нетрудно открыть список нобелевских лауреатов и увидеть: с момента учреждения Нобелевской премии до Первой мировой войны у россиян и американцев было по два лауреата. В 1920-е гг. США получают еще две премии, и только в следующем десятилетии американцы серьезно улучшают свои показатели. Российская же наука не только сократилась численно из-за лишений Первой мировой, революции и гражд-

данской войны, а также распада страны, но в середине 1930-х гг. оказалась почти наглухо изолирована от мирового научного сообщества. Железный занавес, разделяющий отечественную и зарубежную науку, был демонтирован лишь в период от начала “перестройки” до распада СССР. Однако я не о том, насколько корректно сравнивать по количеству лауреатов международной премии самую открытую и самую закрытую страну мира, не говоря уже о потерях отечественного научного потенциала вследствие геополитических обстоятельств. Здесь все очевидно. Мне хотелось бы обратить внимание на два пункта, имеющих непосредственное отношение к приведенным описаниям научной среды в Америке и России.

Во-первых, к началу XX в. Российская империя и США были не просто на равных по уровню международного признания, но обе страны шли примерно одним путем развития научных институтов, в частности сделав ставку на трансфер германских достижений в области организации науки. При этом лидеры российского научного сообщества воспринимали США как в чем-то более успешного, но соразмерного себе конкурента. В частности, об этом, начиная с 1900-х гг., неустанно говорил, например, В. Вернадский⁷. Однако признаем, что “властечетричность” и тогда была характерной чертой российской институциональной среды.

Второй пункт, который я считаю нужным отметить, состоит в том, что на конец XIX – начало XX вв. приходится еще и “золотой век” российского права, когда активно разрабатывался идеал правового государства: «Это значит, что “право” а не сила, нормирует структуру государственной власти, компетенцию ее органов, права граждан. Это значит, что реальная сила для того, чтобы стать государственной властью, должна преломиться в правовой атмосфере, окружающей государство» [Глушаченко 2012]. В частности, влияние этого идеала на общественную жизнь проявлялось в гарантиях академической свободы, которые в той или иной мере обеспечивались со времени реформ 1860-х гг. до полной победы большевиков в гражданской войне.

Полагаю, из сказанного можно сделать вывод: имеет значение не сама по себе “властечетричность”, а какая именно интерпретация власти (бесконтрольной или подчиненной закону) доминирует в данном социуме. Это позволяет увидеть дополнительные возможности для описания институциональной среды науки, например четко определить разницу между типами иерархичности, представленными в институциональных средах России и Франции, по доминирующим интерпретациям власти. Но, подчеркну, в анализируемой книге термин “власть” повсюду употребляется в значении “власть, не ограниченная законом”.

На основе материала главы 4, где содержатся приведенные выше описания институциональной научной среды в России и Северной Америке, автор провел эмпирическое исследование, цель которого состояла в том, чтобы проверить, «насколько успешны окажутся усилия по “импорту” западных стандартов и практик в российскую институциональную среду за четверть века после начала широкомасштабных реформ» (с. 157). Объект исследования – Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (НИУ-ВШЭ), основным источником институциональных заимствований для которой была выбрана модель исследовательского университета США. В качестве контрольного примера выступает Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ)

⁷ Вот его слова из статьи, написанной в начале Первой мировой войны, когда вопрос о будущем нашей науки по понятным причинам обострился: “Невольно взор обращается к той работе, которую за последние годы делают заморские англосаксы, главным образом в Соединенных Штатах Северной Америки. Здесь, особенно за последние 10 лет” (курсив мой. – С.Ч.), наблюдается колоссальный рост научной работы и вместе с тем американцы, при помощи ученых английского языка, за последнее время создали – для своих надобностей – аналогичные немецким, от них независимые, журналы, справочники, сводки. Эти издания за последние годы начали бескровное состязание с аналогичной работой немецкого языка” [Вернадский 1915, с. 72].

как “образец стандартов управления и коммуникации в науке” (с. 157), традиционных для институциональной среды в России.

Автор, с одной стороны, реконструировал эволюцию организационной структуры НИУ-ВШЭ, основанной в 1992 г., а с другой – провел контент-анализ научных трудов, созданных сотрудниками и аспирантами этого университета. В результате было получено блестящее подтверждение того, как общие характеристики институциональной среды переформируют “под себя” заимствованные элементы, что выражается в спонтанном увеличении числа иерархических уровней в подразделениях НИУ-ВШЭ и сближении по содержанию и результатам публикационной активности моделей НИУ-ВШЭ и МГУ. На мой взгляд, это образцовая часть книги, которая должна вызвать интерес у подавляющего большинства читателей.

Метод и границы предметной области как проблема читателя

Книга Олейника предназначена для *всех, интересующихся вопросами науковедения и организации научной деятельности*, хотя перспектива разбираться с хитросплетениями “научных трансакций” может смутить потенциального читателя, не имеющего специального экономического образования. При этом круг заинтересованных читателей заведомо шире круга подготовленных, поскольку прорывы в области информационно-коммуникационных технологий революционизировали систему коммуникативных практик в масштабе, сопоставимом разве что с изобретением книгопечатания. И наука первая испытала на себе эффекты этих преобразований, так что осознать происходящее стремятся практически все, кто так или иначе с ней связан. Однако взаимопонимание между автором – доктором экономических наук – и дисциплинарно неоднородным множеством читателей, несомненно, дается ценой дополнительных усилий.

Признаюсь, я сама принадлежу к тем, кого упоминание о “трансакциях” поначалу несколько демотивировало. Дело случая, что в какой-то момент мне захотелось поглубже разобраться в категориальных построениях, которые обеспечивают единство книге, в значительной мере скомпонованной из отдельных ранее опубликованных статей (см. перечень на с. 38–39). Чтобы адекватно оценить концепцию Олейника, необходимо, как мне кажется, восполнить или хотя бы обозначить те недостающие моменты в его конструкциях, где важная информация попадает в зазоры между дисциплинарными барьерами⁸.

Научные трансакции в сравнительной перспективе – так называется Предисловие к русскому изданию, призванное ознакомить читателей с базовыми принципами и категориями трансакционного метода исследования науки. Оно содержит в самом общем виде определения следующих категорий:

а) *трансакция* определяется короткой цитатой из Дж. Коммонса – “две воли, воздействующие друг на друга” (с. 3)⁹;

б) *институциональная среда* – “превалирующие ценности, формальные и неформальные правила” (с. 6);

в) *институциональная среда науки* – частный случай институциональной среды, реализованный в конкретных исторических условиях существования науки в конкретной стране.

Институциональная среда влияет на индивида “не напрямую, а через организацию трансакций” (с. 6). Читатель вправе рассудить: трансакция суть не что иное, как взаимодействие индивидов по правилам, определяемым институциональной средой. Но индивиды как “две воли”?

⁸ Поиск и классификация тех опасных точек, где важная информация теряется в пограничном пространстве аналитических подходов, уже оформляется в особое направление исследований текстов [Adams, McVeigh, Pendlebury, Szomszor 2019].

⁹ Ссылка приводится по тексту рассматриваемой книги.

Неискушенному в истории институциональной экономики читателю этого определения явно недостаточно, чтобы далее двигаться за автором в одном с ним темпе. Но Олейник обращается к тем, кому известен идейный контекст, в котором у Коммонса сопряжены “воли” и “транзакции”. Поэтому он практически сразу предлагает на рассмотрение вопрос, можно ли корректным образом применить категорию “транзакция” для исследования науки, предположив, что «обмениваются не права, как в случае транзакций на рынке, и идеи, рассматриваемые в качестве “вкладов”... в развитие научного знания» (с. 4)?

Мне представляется, что именно здесь необходимы несколько дополнительных разъяснений, фиксирующих связь идеи Коммонса с проблематикой науковедения. И прежде всего следует прояснить вопрос о “воле”. У Коммонса эта категория обозначает не иррациональное слепое необузданное начало, чуждое миру экономической теории, выстроенной по картезианской дедуктивной модели науки. В институциональной экономике “воля” изначально интерпретируется как характеристика индивида, которому небезразличны страдания, удовольствия и счастье других индивидов. Иначе говоря, это *добрая*, или *свободная*, воля.

Для Коммонса, наличие свободной воли у покупателя и продавца есть “простейшая экономическая предпосылка” в английском и американском общем праве. Именно от констатации этого факта он считает возможным перейти к заявлению, что экономическая теория *должна* включать в себя “этику, теорию общественного благосостояния или национальные общественные интересы” [Коммонс 2007, с. 59]. А потом – и сформулировать отличие своего подхода от неоклассического, где “воля” как иррациональное начало исходно имела статус *non grata*: первый эпистемологически выводил экономическую теорию из “отношения человека к человеку”, а второй – из “отношения человека к природе” [Коммонс 2007, с. 63].

Таким образом Коммонс фактически причислил свою экономическую теорию к *общественным наукам* и тем предопределил свой (частный) метод решения центральной проблемы философии науки: что представляет собой механизм “реализации научных принципов в частных случаях” [Коммонс 2007, с. 65]. И действительно, в текстах Коммонса явственно просматривается его позиция по ключевым вопросам в спорах о философии и социологии науки конца XIX – начала XX вв.¹⁰

Даже такой краткий экскурс к истокам, на мой взгляд, был бы оправдан сразу в нескольких отношениях. С одной стороны, он позволяет увидеть логическую и историческую обоснованность идеи Олейника применить транзакционный метод именно к исследованию общественных наук¹¹. И тем самым – из Предисловия перебросить мостик к содержанию главы I в той части, где обсуждается вопрос о применимости транзакционного метода к естественным и общественным (парадигматическим и непарадигматическим) наукам.

С другой стороны, экскурс к философским истокам транзакционного подхода позволяет осознать, что академическая свобода есть такая же “простейшая предпосылка” любой

¹⁰ “В конце XIX века преобладающее понимание науки в Соединенных Штатах отличалось от того, которое соответствует картезианской традиции... Основное влияние на научные идеи в эпоху Позолоченного века пришло не из Великобритании или Франции, а из Германии с ее исследовательскими университетами. Философия науки не развивалась в отрыве от социальной теории, как это имело место в других местах; результатом стало появление трех великих движений в немецкой философии: диалектического идеализма Гегеля, историцистской герменевтики Дильтея и возрожденного неокантианства. Эти традиции укоренились в США и, пройдя довольно сложный путь, дали жизнь философской школе в Америке, называемой прагматизмом. Мой тезис заключается в том, что именно эта прагматическая концепция научной деятельности и эпистемологии впоследствии стимулировала новаторское переосмысление экономики и экономического актора и что в течение первых трех десятилетий XX века эта концепция утвердилась в институционалистской школе экономической теории” [Майровски 2013, с. 87].

¹¹ Вполне законное диалектическое “оборачивание ролей”, когда метод познания общественных процессов преобразуется в метод самопознания науки.

научной трансакции, как свободная воля покупателей и продавцов – любой трансакции экономической. Для подготовленного читателя это очевидно, но неподготовленному без знакомства с интерпретацией *воли* в институциональной экономике такое умозаключение сделать трудно. К тому же, и раздел об академической свободе в Предисловии выстроен на апелляции к здравому смыслу читателя, а не к фундаментальным принципам трансакционного подхода.

И еще одно обстоятельство ускользает от внимания читателя без обращения к исходному определению свободы воли. У Коммонса она, напомним, определяется как “простейшая экономическая предпосылка” в *английском и американском общем праве*. А каковы границы и мера свободы в других системах права (романо-германской, российской)?

В книге Олейника этот вопрос не поднимается, и национальная специфика институциональной среды определяется доминирующим типом трансакций. Например, для российской институциональной среды характерна *властецентричность* как преобладание трансакций рационализации и управления (взаимодействие в вертикальной плоскости между заведомо неравноправными участниками) над трансакциями сделки (взаимодействие в горизонтальной плоскости между заведомо равноправными участниками). Для институциональной среды российской науки также характерно преобладание трансакций в вертикальной плоскости. Соответственно, этим обстоятельством определяется и мера возможной в России академической свободы.

Однако вопрос о том, выражается ли одной и той же величиной степень академической свободы, которую предполагает один и тот же вид трансакций в различных системах права, остается правомерным и, на мой взгляд, даже существенным для определения границ применимости метода, предложенного в книге¹². Поясню на примере трансакций, где стороны заведомо неравны. Пусть в контексте одной правовой системы никакая из сторон не может быть вовсе лишена прав, а в контексте другой – может¹³. Значит ли это, что и во втором случае мы, говоря о взаимодействиях между участниками научного процесса, имеем дело именно с трансакциями, то есть с добровольным обменом идеями? В какой мере и допустимо ли вообще говорить о научных трансакциях в условиях таких учреждений, как, скажем, советские *шараши* в системе сталинского НКВД – МГБ?

Если нет, то наличие академической свободы выступает не только предпосылкой научной эффективности. Оно также определяет границы применения трансакционного метода и вместе с тем позволяет признать в этом методе *структурирующий инструмент* науки как социальной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вернадский В.И. (1915) Война и прогресс науки // Чего ждет Россия от войны. Пг.: Прометей. С. 63–76.

Глушаченко С.Б. (2012) Золотой век отечественной юриспруденции: правовые идеалы русских юристов // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. № 2 (121). Вып. 19. С. 91–96 (<https://cyberleninka.ru/article/n/zolotoy-vek-otechestvennoy-yurisprudentsii-pravovye-idealy-russkih-yuristov>).

Коммонс Дж. (2007) Институциональная экономика // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 5. № 4. С. 59–70.

¹² Полагаю излишним воспроизводить аргументы К. Поппера в обоснование необходимости этой процедуры.

¹³ Ср.: “Деление права на частное и публичное имеет место и в континентальной правовой семье. Но в ней в отличие от российской правовой системы данная дифференциация произошла значительно раньше и носила более последовательный характер. В Советском государстве частное право фактически было поглощено публичным правом. Да и в настоящее время частное право еще не заняло достойного места в российской правовой системе...” [Рассказов 2013].

Кузнецов Д. (2015) В *Physical Review Letters* вышла статья с 5154 соавторами // N+1 (<https://nplus1.ru/blog/2015/05/20/gimme-more-more-more-authors>).

Майровски Ф. Философские основания институционалистской экономики // *Terra Economicus*. Т. 11, № 2. С. 82–93.

Олейник А.Н. (2019) *Научные транзакции: сети и иерархии в общественных науках*. М.: ИНФРА-М.

Рассказов Л. П. (2013) Сходство и различие российской правовой системы и романо-германской правовой семьи // *Ленинградский юридический журнал*. № 4 (34). С. 76–84 (<https://cyberleninka.ru/article/n/shodstvo-i-razlichie-rossiyskoy-pravovoy-sistemy-i-romano-germanskoy-pravovoy-semi>).

Adams J., McVeigh M., Pendlebury D., Szomszor M. Profiles, not metrics. January 2019 (WOS_ISI_Report_ProfilesNotMetrics_008.pdf).

Lithium-Ion Batteries. A Machine-Generated Summary of Current Research (2019) Basel: Springer Nature Switzerland AG. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-16800-1>.

REFERENCES

Adams J., McVeigh M., Pendlebury D., Szomszor M. *Profiles, not metrics*. January 2019 (WOS_ISI_Report_ProfilesNotMetrics_008.pdf).

Commons J. R. (2007) *Institucionalnaya ekonomika* [Institutional Economics]. *Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 5. no. 4, pp. 59–70.

Glushachenko S.B. (2012) *Zolotoy vek otechestvennoy yurisprudencii: pravovie ideali russkih yuristov* [The Golden Age of Russian jurisprudence: the legal ideals of Russian lawyers]. *Nauchnie vedomosti BelGU. Ser. Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, no. 2 (121), issue 19, pp. 91–96 (<https://cyberleninka.ru/article/n/zolotoy-vek-otechestvennoy-yurisprudencii-pravovye-idealy-russkih-yuristov>).

Kuznecov D. (2015) *V Physical Review Letters vishla statya s 5154 soavtorami* [The Physical Review Letters published an article with 5154 co-authors]. *N+1* (<https://nplus1.ru/blog/2015/05/20/gimme-more-more-more-authors>).

Lithium-Ion Batteries. *A Machine-Generated Summary of Current Research* (2019) Basel: Springer Nature Switzerland AG. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-16800-1>.

Mirovsky Ph. *Filosofskie osnovaniya institucionalistskoy ekonomiki* [The philosophical bases of institutionalist economics]. *Terra Economicus*, vol. 11, no. 2, pp. 82–93.

Oleynik A.N. (2019) *Nauchnie transakcii: seti i ierarhii v obschestvennih naukah* [Scientific Transactions: Nets and Hierarchies in the Social Sciences]. Moscow: INFRA-M.

Rasskazov L.P. (2013) *Shodstvo i razlichie rossiyskoy pravovoy sistemi i romano-germanskoy pravovoy semi* [The similarities and differences of the Russian legal system and the Romano-Germanic legal family]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal*, no. 4 (34). pp. 76–84 (<https://cyberleninka.ru/article/n/shodstvo-i-razlichie-rossiyskoy-pravovoy-sistemy-i-romano-germanskoy-pravovoy-semi>).

Vernadsky V.I. (1915) *Voyna i progress nauki* [War and science progress]. *Chego zhdet Rossiya ot voyni* [What awaits Russia from war]. Petrograd: Prometey, pp. 63–76.